

ИНТЕРВЬЮ

«ПРОПОВЕДУЮ
РОМАНТИЗМ!»

1942 год. Военачальники застыли у огромной карты, испещренной стрелками и пометками. Только что командующий фронтом Горлов изложил план блестящий, как ему кажется, операции. Военный совет пока тяжело молчит: командующий был хорошим стратегом в гражданскую, но сейчас доверять по старым законам и неразумно, и опасно.

И тогда в спор бросается самый молодой — Огнев, командир с горячим сердцем и холодной головой. «Обстрелянный» уже в нынешнюю войну и в недавних сражениях получивший высокое звание.

В этом сражении — сражении с бюрократом от войны — он пока проиграл... «Разрешите идти», «Идите!» — слышит он почти издевательское горловское. И Огнев, чеканя шаг, выходит из кабинета, так же напряженно шагает за кулисами, и только уже на лестнице актер постепенно успокаивается.

Идет спонтанно театра имени Евг. Вахтангова «Фронт». До следующего выхода на сцену Огнева — почти час... И не случайно наш разговор в гримерной с исполнителем его роли, народным артистом РСФСР В. Лановым начинается именно с темы военной.

— Эпизод, который вы сейчас видели, — только зарождающиеся конфликты. И конфликт не Огнева с Горловым — конфликт позиций. Новое почти всегда с трудом пробивается сквозь старое. Мне важно показать, как обострится эта борьба в ситуации экстремальной, когда рутинизм несет гибель множеству людей, — еще не острая после спектакля, стал объяснять Василий Семенович. — Для меня тема войны вообще архиважная. Возможно, скажутся память детства — мальчишкой я четыре месяца прожил в оккупации, несмотрел (всякого, и до сих пор война бьет во мне, не дает покоя. Знаете, когда мы репетировали «Фронт», я вспоминал именно реальные эпизоды из своего военного детства, и это помогло. Каждый год в День Победы я беру двух своих мальчишек и еду в Большой театр, где собираются ветераны. Хочу, чтобы память войны они впитали с детства.

Я вообще считаю — мы должны чаще вспоминать, кому обязаны сегодняшней мирной жизнью. Здесь до сих пор самая важная из моих военных работ остается, не какая-то сыгранная роль, а чтение текста за кадром в фильме «Великая Отечественная». Казалось бы, чего проще — бери листки, читай... Но никогда мне не было так тяжело работать. Трудно оказалось найти в интонации тот высокий накал искренности и эпической приподнятости, что есть в фильме. А главное — невозможно было без волнения смотреть потрясающей силы кадры — слезы застилали глаза.

Сейчас мы готовим новую работу. Фильм «Священная война» будет не совсем обычным по жанру: документально-художественно-публицистический. Он рассчитан на 14 серий, будет показан к 40-летию Победы. Я участвую здесь в роли одного из ведущих — это своего рода звучащие за кадром мысли вслух военачальников. Так что, как видите, с военной темой не расстаюсь.

— Однако начинали вы с темы не военной. Ваш Павка Корчагин — вот кто первый покорила завоевал сердца зрителей...

— Вообще-то Павка не был первой моей работой. Первый раз я вышел на сцену в спектакле по Альфу Кассилу «Дорогие мои мальчишки». Играл пионера Ваню. До сих пор помню его слова: «Был в госпитале. Провел громкое чтение вслух я еще две книги про себя. Сочинение Марка Твена, очень интересно!» Намучился я тогда с этой ролью — вместо Марка Твена все норовил сказать Марка Твена. Было это в театральной студии Дворца культуры завода имени Лихачева, и мне исполнилось тогда 13 лет. Собственно, студия и определила мою жизнь — там я навсегда задел театром. Поначалу с «большими» пытался бороться — после школы поступил на факультет журналистики МГУ. А через два месяца бросил. Меня пригласили сниматься в фильме «Аттестат зрелости». Там и состоялся киношный дебют.

Но Павку я действительно считаю своей первой серьезной ролью. Может быть, никакой герой не влиял на меня так, как повлиял тогда Павка. Он во многом сформировал меня как человека. Хотя сначала я перед ним робел — такая прославленная фигура, хоть на «вы» называй. А на «вы» с героем нельзя.

Сейчас я счастлив, что мне в самом начале удалось сыграть Павку — образ и романтический, и в то же время жизненно правдивый.

— Вы сказали — романтический. Пожалуй, едва ли не всех наших героев можно назвать романтическими. Может, еще и потому так привлекают они зрителей — ведь в последнее время ни театр, ни кино романтикой публику не балуют. Очевидно, считается, что романтика сегодня несостоятельна и герой должен быть другим: деловитым, ироничным, вечно куда-то спешащим...

— Да, и я считаю, что это в корне неправильно. В свое время в нашем театре долго боролись с понятием «романтический герой», и даже само определение стало чуть ли не ругательным. Какие-то основания для этого, конечно, были: молодое искусство стремилось избавиться от штампов западной кино- и театральной продукции, избежать слезливого сентиментализма. Но произошло ла путаница понятий, перегиб — вместе с сентиментальностью стала уходить и истинная, высокая романтика. А ведь романтизм — целое течение. Да и в нашей жизни романтики хоть отбавляй — вспомните молодежь, что едет на БАМ, другие великие стройки, совершает трудовые подвиги. Нет, насколько я знаю, сегодня потребность в романтике у зрителей не уменьшается, скорее, наоборот. Кто такой Овод, кто такой Павка, тот же Баррава из «Офицеров», как не настоящий романтический герой? А для меня это определение означает — человек возвышенных мыслей, мужественных поступков, заглядывающий чуть-чуть дальше других за горизонт, тот, кто жив не хлебом единым. И я счастлив, что могу это играть, именно это я проповедую...

— И все же иногда выходят так: актер создает обильно ярких героических образов, а зритель привыкает видеть его в одном качестве — допустим, в качестве того же романтического героя. Не сковывают ли подобные рамки, не возникает ли тяга к неожиданному эксперименту?

— Ну, во-первых, рамок просто не должно быть. Я не могу перестать быть самим собой, но характеры нужно играть разные. Роль — это просто повод высказаться по той или иной проблеме, но высказывание должно быть облечено в новую форму. А во-вторых, к эксперименту, конечно, тянет, но не всегда у актера есть возможность его осуществить. Кино здесь особенно консервативно: мне все время предлагают «традиционные роли Ланового». Правда, бывают и исключения. Например, я с огромным удовольствием работал над образом Дзержинского в двух фильмах. Недавно сыг-

рал необычного для себя героя в картине «Приступить к ликвидации». Вообще-то я не люблю детективы — ни как читатель, ни как актер. Но здесь мне показалось интересным раскрыть человека большой совести, допустившего нравственный компромисс и поплатившегося за это... В театре экспериментом для меня стала роль Сагадеева в «Тринадцатом председателе» — никогда прежде не брался за сельскую тему.

— А как вы относитесь к комедии? Романтический герой и чувство юмора — совместимы ли они?

— К комедии отношусь прекрасно — романтика, по моему, никогда не мешала юмору. Другое дело, что режиссеры меня в комедиях — ну, не видят, и все тут. В кино я сыграл лишь одну комедийную роль. Помните, в «Полосатом рейсе» отдыхающие загорают на пляже, и кто-то показывает на подплывающих к берегу тигров. «Хорошо плавут. Та группа, в полосатых купальниках». Это говорил я. На сем моя комедийная карьера в кино благополучно завершилась. В театре повезло немножко больше. Ну, во-первых, «Принцесса Турандот». Тут возникает такая бездна импровизаций, партнеры готовы тебе такие сюрпризы, что иногда самому бывает трудно удержаться от смеха. Недавно стал играть еще и в «Старинных водевилях» — есть у нас такой спектакль. Правда, когда меня назначали на роль, режиссеру говорили: «Что ты делаешь, безумец!». Но режиссер поверил в мое чувство юмора. А вообще-то я очень смешливый человек, и партнеры иногда на меня за это даже жалуются.

— А что вы больше всего цените в партнерах?

— Профессионализм. В спектакле яркой романтической формы контакт с партнером особо важен, он столь же важен, как драматургия и режиссура. Признаюсь, тут мне повезло. Я очень люблю работать с Юлией Борисовой, Михаилом Ульяновым, прекрасными партнерами были Гриценко и Плотников. Вахтанговская школа вообще славилась ансамблевостью. Сейчас мы репетируем в театре сложные спектакли — «Марию Тюдор», «Село Степанчиково и его обитатели»... И в этих многофигурных работах главное для нас — те нити, что связывают персонажей, сплетаясь в единую ткань действия...

— И последний вопрос. Как вы относитесь к гастроллям?

— Я их люблю. У городов, как и у людей, разные лица. Интересно знакомиться с новыми зрительскими, пытаться определить их реакцию, их отношение к нашему творчеству. Должен сказать, что Владивосток — город театральный. Например, на этом спектакле «Фронт» мы замечали, что публика улавливает мельчайшие оттенки, тонко воспринимает рисунок спектакля. Для такого зала приятно играть.

...В это время и раздался предупреждающий звонок. «Огнев, на сцену!» — объявили по динамике. Сражение с горловщиной продолжалось...

Интервью вел Н. БАРАБАШ.

